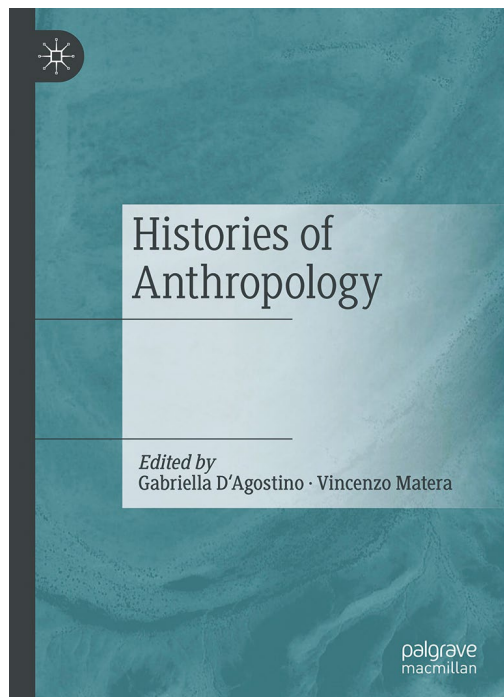

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: ИТАЛЬЯНСКИЙ ВЗГЛЯД
(РЕЦ. НА: HISTORIES OF ANTHROPOLOGY / Eds. G. D'AGOSTINO,
V. MATERA. CHAM: PALGRAVE MACMILLAN, 2023. 676 P.)**

А.Л. Елфимов

Алексей Леонидович Елфимов | <https://orcid.org/0000-0003-0659-6709> | elfimov@ica.ras.ru |
к.и.н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский
пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Инициативы продвижения так наз. альтернативных историй антропологии в последнее десятилетие были, если употребить расхожее выражение, “в тренде”, и надо сказать, что к настоящему времени данный научный жанр обрел свою форму, стиль и даже концептуальный язык. Хотя работ, написанных в этом жанре, весьма много и по характеру они часто довольно разрозненны, их объединяет задача исследования тех предметных пластов и проблем, что оставались без должного внимания в устоявшихся европейско-американских дисциплинарных историографических нарративах, как и задача тестирования концептуальных позиций, отличных от тех, на которых эти устоявшиеся нарративы основывались. Миссия альтернативных историй антропологии, как ее обо-

значил Г.Л. Рибейро, один из наиболее активных сторонников жанра, состоит, в частности, в “плюрализации историй антропологии в той международной научной среде, что сложилась в результате империалистического доминирования западной системы знания — в частности, системы глобального престижа опреде-

Статья поступила 18.04.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 20.05.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Елфимов А.Л. Антропологические традиции: итальянский взгляд (рец. на: *Histories of Anthropology* / Eds. G. D'Agostino, V. Matera. Cham: Palgrave Macmillan, 2023) // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 5. С. 218–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050125> EDN: ARGSGD
Elfimov, A.L. 2024. Antropologicheskie traditsii: ital'ianskii vzgliad [Anthropological Traditions: An Italian View]: A Review of *Histories of Anthropology*, edited by G. D'Agostino and V. Matera. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 218–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050125> EDN: ARGSGD

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.ica.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ленных университетов и структур высшего образования, а также продвигаемых и поощряемых ими специфических дискурсов инаковости” (Рибейро 2023: 153).

Рецензируемая книга принадлежит этому жанру; и жанру в целом соответствует и ее заголовок: “Истории антропологии”. В 20 главах книги представлены критические историографические очерки, тематически разбитые по традиционному “страновому” принципу, или по принципу рассмотрения “национальных традиций” (в числе которых как европейские и американские, так и азиатские, африканские и островные тихоокеанские). Что делает данную книгу любопытной — так это то, что все ее 20 глав-статей, посвященных альтернативным историям антропологии, написаны итальянцами. На английском языке.

Редакторы-составители книги, Г. Д’Агостино и В. Матера, впрочем, указывают во вводной части, что прекрасно понимают, что сам этот факт обрекает аргументацию, приводимую в книге, на некоторую тенденциозность, а также на определенную “односторонность”, обусловленную тем, что в большинстве случаев “авторы глав не принадлежат контекстам”, которые описывают, и соответственно тем, что в итоге излагают “итальянскую точку зрения на истории антропологии” (с. 15). Сам по себе этот факт, однако, не обесценивает книгу, особенно если учесть, что у авторов есть рефлексия по этому поводу и что часть их задачи — привлечь внимание к своему (итальянскому) исследовательскому сообществу и по возможности “внести вклад в общий антропологический разговор от имени академической традиции, которая не была в зоне особенной видимости, несмотря на все международные связи и обмены” (с. 16).

Пространная вводная часть написана компетентно и рассматривает концептуально-теоретические основания того, что может считаться адекватной (сегодняшнему дню) историей антропологии. Авторы указывают, что в своем понимании истории дисциплины они стараются всецело исходить из положения, что “антропология сделана из того же самого материала, который она изучает” (в противовес негласно и гласно культивировавшемуся взгляду, что антропология — интеллектуальная наследница эпохи Просвещения, для которой остальные общества являются “резервуаром сырых фактов”, и что эвристический подход антропологии не присутствует в традициях, не опирающихся на научную логику, выросшую на фундаменте эпохи Просвещения) (с. 5, 7). Авторы задаются вопросом о том, какие именно факторы обуславливали “нелюбовь” антропологов-теоретиков к “индигенным” точкам зрения (к тому, что в дискуссиях 1970—1980-х годов, как можно было бы вспомнить, часто именовали “эмическими”, или “эмными”, концепциями). Они приводят в пример безвыходное положение местных африканских этнографов, которые не могли успешно продвигать в академическом дискурсе ни “свои”, ни “западные” концепции, поскольку первые всерьез не принимались авторитетами в западной антропологии, а следование вторым не поощрялось номенклатурными кругами их собственных стран (с. 9). Сложная задача плюралистической истории антропологии, отмечают авторы, состоит в том, чтобы выйти за рамки доминирующей точки зрения на западную универсалистскую позитивистскую эпистемологию как на “объективную” и “нейтральную” по характеру, в то время как на самом деле она агрессивно навязывается как единственно допустимая в сферах от науки, культуры и экономики до политики, управления и права (с. 10). Общая идея книги, согласно мысли авторов, заключается, стало быть, в том, чтобы показать, *как* антропологическое знание воспринималось, адаптировалось и использовалось в разных географиче-

ческих и социальных контекстах, и авторы считают эту цель вполне достижимой, учитывая, что в такой дисциплине, как антропология, все-таки выработались важные инструменты для анализа отношений власти, гегемонии, идеологии, в которые, как это ни иронично звучит, дисциплина сама по себе вязалась.

Иными словами, вводная часть книги задает вполне резонные ориентиры. Другое дело, насколько успешно или отчетливо следование этим ориентирам проявляется в дальнейших статьях. И надо сказать, что в этом смысле несколько менее удачными предстают статьи, в которых рассматриваются ситуации как раз в ряде, условно говоря, “основных” антропологических традиций (в частности, североамериканской, британской, немецкой, российской). Антропологической традиции США, например, посвящены целые две статьи, что можно понять с точки зрения размаха и влияния этой традиции; но, с другой стороны, можно было бы более компактно и сфокусированно обозначить основные проблемы, преследующие эту традицию, и в рамках единой публикации, тем более что ни та ни другая из статей с этой задачей по сути не справилась. В первой из статей — очень краткой и скорее учебно-описательного, чем аналитического или сколько-нибудь критического характера — просто пересказывается то, что считается общепринятой траекторией развития антропологии США в период со второй половины XIX до середины XX в. (эволюционизм Г. Моргана, релятивизм школы Ф. Боаса, направление исследований культуры и личности — вот, собственно, практически и все; и наиболее критическая мысль состоит в том, что антропология США, где “примитивные люди” населяли ту же территорию, что и их исследователи, “очень отличалась” от западноевропейской антропологии, по отношению к которой объект исследования находился извне). На английском языке, которым оперирует итальянская книга, существует большое количество публикаций, где детально переосмыслиется история этого периода, но, к сожалению, здесь читателю предложена “школьная” версия, не ложащаяся в русло альтернативной истории антропологии.

Во второй статье — наоборот, чрезвычайно длинной и многословной по сравнению с первой — разбирается период с 1970-х годов по настоящее время (таким образом, отрезок 1950–1960-х годов оказывается в этих статьях выпущенным из поля зрения, хотя этот прогрессивистский период может объяснить многое в траектории дальнейшего развития североамериканской антропологии, особенно если мы хотим анализировать ее с “альтернативных” критических позиций). Автор, Б. Палумбо, делает оговорку, что ему трудно рассуждать о частностях рассматриваемой научной традиции, так как он находится на “периферийных позициях” по отношению к ней и так как эта традиция находилась на доминирующем центральном месте на международной арене с середины 1980-х годов. Нахождение на периферийных позициях, тем не менее, не мешает ему выдвинуть целую периодизацию развития антропологии США в соответствии с четырьмя фазами, которые он обозначает как “борьбу за лидерство” (1973–1986), “переходный период” (1986–1990), “гегемонию” (1990–2001) и “возгорание” (2001–2020; на самом деле здесь он пользуется физико-химическим термином “дефлаграция”). В своей аргументации, как он говорит, он хочет в чем-то следовать за А. Грамши, а в самом описании реалий на почве американской антропологии он следует за работой Т. Паттерсона (довольно неоднозначный выбор, но, вероятно, автору импонирует марксистский взгляд [*Patterson 2001*]). Далее простираются почти 40 страниц, вполне достойно демонстрирующих то, что автор весьма эрудирован и работал в университетах разных стран, но вызывающих много во-

просов как по части предложенной периодизации, так и по части разнообразных несистематически расставленных акцентов в рассмотрении вопроса. Так, не может не вызывать улыбку отправная точка всей периодизации, 1973 год, которую он связывает с публикацией книги К. Гирца “Интерпретация культур”. Нет, вопреки мысли автора, публикация этой книги не была “эпохальным” событием, разделившим течение антропологии на некие два периода “до” и “после”, тем более что статьи К. Гирца, вошедшие в сборник, были к 1973 г. не “новинкой” и в это время в антропологии и социальных науках США вообще происходило много чего другого. Антропология, как несколько странно замечает автор, сохраняет определенную степень автономии от других дисциплинарных областей и от внешнего интеллектуального, социального, политического и экономического контекста. И далее на той же самой странице он говорит о том, что для антропологии, как и для любой другой социальной науки, взаимовлияние между областями является центральным (с. 335). Порой не совсем понятно, что же именно хочет сказать автор. В рассмотрении всего этого периода фигурируют в основном К. Гирц и Э. Вулф. Да, это важные авторы для понимания двух отдельных теоретических направлений в развитии антропологии США последней четверти XX в., но одними ими дело не ограничивалось. Автор не объясняет, почему он берет за точку водораздела между первым и вторым периодом 1986 год, хотя, исходя из общего контекста его рассуждений, можно вроде бы заключить, что в этом году был опубликован известный сборник “Writing Culture” (под ред. Д. Клиффорда и Д. Маркуса). Если это так, то это еще один очень умозрительный водораздел (1980-е годы скорее были единым цельным периодом, причем с различных точек зрения — в особенности с той, которой придерживается сам автор и согласно которой центральной нитью или характеристикой этого периода был “диалогический поворот”). Далее не объясняет автор и того, чем же таким был примечателен 1990 год, отделивший второй период от третьего, и в рассуждениях появляются очередные несостыковки и несогласованности. Так, автор говорит, что главным результатом “диалогического поворота”, обозначившимся в новом, третьем периоде, было “освобождение от патины сциентизма” и что в данный период имела место маргинализация антропологии в ее отношении к общественной жизни США. Это довольно некомпетентное утверждение, ибо 1990-е годы как раз означались повышенной социальной активностью и приближением антропологии к общественной жизни. Автор резонно рассуждает о роли импортированной французской теории в интеллектуальном развитии антропологии этого периода, но упускает из виду критическую роль новых (меж-) дисциплинарных взаимоотношений, существенным образом повлиявших на идентичность антропологии данного десятилетия (а именно на ее позиционное распыление в отношениях с новыми отпочковывавшимися дисциплинами, такими как “Cultural Studies”, “STS”, “Globalization Studies”, “Postcolonial Studies” и др., в результате которого сильно трансформировались сама предметная область дисциплины и, скажем так, ее идеологический настрой). Впрочем, вслед за этим автор дает вполне информативный обзор новых тем, исследовательских сюжетов и работ, появившихся в антропологии данного периода. Наконец, сложно понять, что именно автор вкладывает в понятие “дефлаграции” последнего периода, кроме процесса экспансии дисциплины и одновременно ее теоретической и методологической фрагментации. В целом статья может быть полезна неспециалисту как общий обзор, но в ней, как и в предыдущей, практи-

чески не анализируются факторы, участвовавшие в упрочении международной гегемонии антропологии США (как в дискурсивном, так и в институциональном смысле) в этот период.

Подобным же образом и статья о британской антропологии (написанная совместно Л. Римольди и М. Гардини) не выходит за рамки уже известного историографического материала. Основная идея, развиваемая в статье, заключается в том, что британская социальная антропология — не настолько уж “британская” (и не настолько уж “социальная”), как это принято считать. В ней всегда центральное значение имели “диалог” с “антропологическими традициями извне” и процесс “плюрализации теорий, методов, и областей”, согласно мысли авторов (с. 57–58). Авторы начинают отталкиваться от доводов о том, что определение культуры, выдвинутое британцем Тайлором, стало центральным в антропологии США, в то время как исследование систем родства, начатое американцем Морганом, стало общепринятым занятием в британской дисциплине; и далее они разбирают для примера научные карьеры ряда известных антропологов (таких как, напр., Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, М. Глакмен, В. Тэрнер, Ф. Каберри, П. Боханнан, А. Коэн, М. Шринивас и др.), показывая, что все они либо уезжали работать куда-то за пределы Британских островов, либо переезжали на Британские острова из других стран, привозя с собой в британскую антропологию новый интеллектуальный багаж и, соответственно, обогащая последнюю. Это хорошо известно в историографии (и, с некоторой точки зрения, это общая история о том, как обогащалась британская метрополия). Гораздо более интересным был бы анализ вопроса, *что*, при всех этих перемещениях, заимствованиях, диалогах и процессах плюрализации, продолжало делать британскую антропологию британской и *какие* институциональные и дискурсивные инструменты помогали ей сохранять свою академическую гегемонию (и *почему* в определенное время она начала ее терять). Стоит отметить, что и этот вопрос уже ставился в разных работах последних двух десятилетий, но в данной статье авторы довольствуются выводом о том, что “с момента основания британская антропология доказала, что способна к охвату, синтезу и развитию теоретических направлений и течений мысли, простирающихся за пределы национальных границ и за пределы классовой и гендерной структуры, характеризующей академическую сферу Соединенного Королевства” (с. 70).

Статья М. Басси о немецкой дисциплине разворачивается вокруг идеи о том, что “немецкий вклад в мировую антропологию” связан прежде всего “с идеей культуры” (с. 148). В статье дается ожидаемый обзор дискуссий о “культуре” и “цивилизации” с упоминанием традиционных для такого обзора имен (Гердер, Гумбольдт, Норберт Элиас и др.) и стандартный хрестоматийный экскурс в развитие немецкой науки о народах, который проводит нас через этапы размежевания *Volkskunde* и *Völkerkunde*, культурно-исторической школы Ратцеля, культурно-морфологической школы и исследований культурных кругов Фробениуса и Гребнера. Экскурс как таковой заканчивается периодом между двумя мировыми войнами, и совсем кратко и неопределенно описывается послевоенная ситуация. Статья носит скорее описательный и словарный характер, в ней нет глубокого анализа, аргументация не самостоятельна и часто основывается на работах других ученых, в частности А. Гингриха, и вряд ли можно говорить о каком-либо вкладе статьи в развитие альтернативных (или даже не-альтернативных) историй антропологии.

К сожалению, такого же рода вторичный характер отличает и статью о российской этнологии/антропологии. Здесь мы встречаем типичные для западного пера рассуждения о “большевиках”, о том, что “исчезновение первого в мире социалистического государства имело драматические последствия для 300 миллионов граждан, живущих в России и других республиках СССР” (впрочем, не поспоришь!), и в целом это статья, написанная по случаю, а не историографическое исследование уровня тех работ, которые, например, Р. Дарнелл допускает в редактируемые ей ежегодники по истории антропологии. Жаль, но вряд ли можно рекомендовать эту публикацию коллегам, кроме как в качестве занимательного чтения.

Гораздо более интересны в книге, однако, статьи о других антропологических традициях. Так, в статьях Д. Ди Роса и А. Фаволе о ситуации в Австралии и Океании более четко просматривается задача переосмысления антропологического знания в историческом, геополитическом и дискурсивном контекстах. Текст Д. Ди Роса хотя и весьма сжат и краток (очевидно, является частью более широкого и полного исследования), но очень сфокусированно проводит нас по основным проблемным точкам в развитии антропологических исследований в Австралии и на о-ве Новая Гвинея начиная от времени прихода британской колониальной администрации до конца прошлого столетия. Автор стремится показать, что практически в каждом из периодов развитие антропологии в данном регионе было сопряжено с конфликтами и противоречиями на множественных уровнях. Это были и конфликт между либеральными умонастроениями и необходимостью “управлять туземцами”, который преследовал деятельность Х. Мюррея, вице-губернатора территории Папуа, и противоречие между теоретическим и практическим аспектами антропологических исследований, которое отразилось с самого раннего этапа на дискуссиях Х. Мюррея с британскими антропологами, и конфликт между этнографами-полевыми и британскими разведывательными спецслужбами (последние, в частности, запрещали доступ в поле П. Уорсли, М. Глакмену и другим), и противоречие между “коренным австралийцем” и “коренным папуанцем” как объектами антропологии (в первых виделся архетипичный “первобытный человек”, подтверждавший эволюционистскую парадигму; во вторых – индивид, подтверждавший функционалистскую парадигму).

Схожим образом А. Фаволе в своих рассуждениях о ситуации в Полинезии и Меланезии указывает на ряд противоречий, который охарактеризовал становление локальных антропологических традиций в данном регионе. Например, это противоречие между привнесенными англоязычными и франкоязычными исследовательскими традициями и дискурсами и общее противоречие между “внешним” и “местным” институциональным статусом и имиджем антропологии (так, в Тихоокеанском университете термин “социология” стал предпочитаться термину “антропология”, как и вообще социологическая научная степень стала предпочитаться антропологической, поскольку антропология имеет имидж устаревшей области знания, часто связываемой с уже не популярными именами прошлого вроде Б. Малиновского или М. Мид и содержащей в себе отзвуки колониального периода). Непосредственно к последнему противоречию, продолжает автор, относится и то, что видится с точки зрения тихоокеанских ученых как “несимметричные” коллегиальные отношения между западными и местными антропологами, ибо первые предпочитают относиться к послед-

ним преимущественно как к информантам, а не как к равноправным коллегам, и в некотором смысле продолжают рассматривать полевую работу как свою “динамичную” исследовательскую деятельность в “застывшей” местной среде. По схожим причинам, кстати сказать, социология стала предпочитаться антропологии и в контексте западной франкоязычной Африки, как следует из статьи, прекрасно написанной А. Беллагамба.

Столкновение геополитических интересов и конкурирующих научных дискурсов — в данном случае англоязычных и немецкоязычных — описывается и в статье С. Алловио о южноафриканской антропологии как имевшее центральное значение и поведшее к болезненному идеологическому и теоретическому расколу дисциплины на ассимиляционистское и сегрегационистское направления. Анализируя причины и последствия данного раскола, автор рассматривает сложную историю институционализации южноафриканской антропологической науки, детально разбирая биографии ее основных представителей.

Эссе М. Ария о французской антропологической/этнологической традиции (которая, возможно, ближе итальянским авторам) также весьма интересно, но написано скорее не с точки зрения того, что можно было бы назвать социальной историей антропологии, а с точки зрения науковедческого и дискурсивного анализа внутродисциплинарных проблем и дилемм, сопровождавших институциональную область антропологии/этнологии и менявших ее предметное поле в последние 30–40 лет. Автор сознательно ограничивается этим историческим отрезком и рассмотрением того, как взаимопереплетения трех научных генеalogий (структурализм, марксизм и, условно говоря, социология Дюркгейма/Мосса) обусловили сегодняшнее состояние дисциплины, при котором вопрос ее более или менее четкого позиционирования остается так и не решенным и, в частности, остается неясным, следует ли считать ее (дисциплину) принадлежащей к ряду таких наук, как социология, политология, демография, или же к ряду таких наук, как история, археология, биологическая антропология (с. 86).

Разумеется, в книге итальянских авторов первостепенный интерес представляет глава о развитии собственной, итальянской антропологии; но здесь с сожалением приходится констатировать, что она гораздо короче, чем могла бы — и, наверное, должна была бы — быть (особенно в сравнении с местом, уделенным антропологии США). Тем не менее автор статьи, Ф. Деи, дает репрезентативный обзор становления дисциплины в исторической перспективе, отталкиваясь от скептического высказывания, что с точки зрения современного международного научного дискурса вообще сложно говорить о существовании “итальянской” антропологии, которая практически “невидима” в глобальном информационном пространстве, монополизированном англоязычным коммуникационным рынком (с. 157).

Скепсис сквозит и в очерке о сегодняшней ситуации в бразильской антропологии. Этот очерк тоже довольно короток и урывочен, но во всяком случае он носит вполне дискуссионный характер — как, впрочем, и остальные статьи книги, посвящающие нас в нюансы мало освещаемых антропологических традиций.

В целом можно констатировать, что книга с “итальянским” взглядом на историю антропологии скорее удалась, чем не удалась. Несмотря на то, что альтернативного прочтения доминирующих западноевропейских традиций не получилось, освещение того, что происходит в остальном мире, удалось, оно полезно и интересно.

Научная литература

Рибейро Г.Л. О транснациональных историях антропологии // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 151–155.

Patterson T. A Social History of Anthropology in the United States. N.Y.: Berg, 2001.

Book Review

Elfimov, A.L. Anthropological Traditions: An Italian View [Antropologicheskie traditsii: ital'ianskii vzgliad]: A Review of *Histories of Anthropology*, edited by G. D'Agostino and V. Matera. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 5, pp. 218–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050125> EDN: ARGSGD ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alexei Elfimov | <https://orcid.org/0000-0003-0659-6709> | elfimov@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)